

ПРОЯВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ Х. ЦОМАЕВА В ПЕРЕВОДЕ «ПЕСНИ О БУРЕВЕСТИКЕ» М. ГОРЬКОГО

Работа представлена отделом фольклора и литературы

*Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.
Научный руководитель – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Р. Я. Фидарова*

В статье на примере перевода «Песни о Буревестнике» М. Горького выявлены индивидуальные методические принципы переводческой деятельности Х. Цомаева. Автор в статье акцентирует внимание на художественно-эстетической ценности переводимого текста, в котором непосредственно проявилась индивидуальность переводчика.

The article reveals the individual methodical principles of translational activity of Kh. Tsomaev by the example of the translation of M. Gorky's «Song of the Stormy Petrel». The author of the article focuses attention on the artistic and aesthetic value of the translated text, in which individuality of the translator showed itself clearly.

Понятие творческой индивидуальности переводчика принадлежит к наиболее интересным, актуальным, но в свою очередь наименее разработанным проблемам в области переводоведения. Индивидуальность переводчика не может не отразиться в переводе, подобно тому как в оригинале проявляется творческая индивидуальность автора. Именно художественный перевод предоставляет переводчику все условия и предпосылки выразить свой творческий талант. Художественный перевод, так же как и художественное произведение, является результатом творчества переводчика и включает в себя элемент творческой индивидуальности, «в противном случае получится безликий, невыразительный, нехудожественный перевод»¹.

На примере художественного перевода «Песни о Буревестнике», осуществленного одним из представителей осетинской переводческой школы начала XX в. Харлампием Цомаевым, проследим меру проявления его таланта, случаи индивидуального подхода к решению переводческих задач.

Показательно в этом плане сопоставление перевода «Песни о Буревестнике» Цомаева с оригиналом, общепризнанно представляющим огромные трудности для перевода. Сравнительный анализ позволит

выявить индивидуальный облик переводчика: языковые особенности перевода, изменения, внесенные в текст. Вот величественно, спокойно и торжественно начинается М. Горький «Песню...»: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный»². Соответствующий отрывок в переводе: «Денджызы урс фжзы сжрмж дымгж `мбырд кжны жвржгътж. Жвржгътж денджызы жхсжн ужлджфы лжгжрды хьал Уадхжссжг, арвы сау жртгывджй йж хуыз»³. Как видим, Цомаев следует буквальному переводу оригинала, точно передает содержание, но, придерживаясь подлинника, не теряет художественную яркость. Отрывок, безусловно, переведен удачно, но есть и неточности. У Горького в произведении речь идет о грозных и мрачных тучах. В переводе «тучи» заменены «облаками» («жвржгътж»), и этим нарушается смысловая точность.

Примером того, насколько внимательным должен быть переводчик к каждому слову, может служить следующий отрывок: «То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы» – «Куы йж базыржй уылжн сцжвы, куы фжхауы жвржгътжм фатау, уасы. Жвржгътж йж уастжй зоньнц

маргъжн йж цин». Цомаев перевыражает на родном языке каждое слово подлинника, но в некоторых моментах «сгущает» краски. Например, в оригинале Буревестник только касается волны, у Цомаева птица ударяет крылом волну. Приведем другой пример: оригинал: «В этом крике – жажда бури!» – перевод: «Уыцы хъжр у уадмондаг хъжр» («Этот крик – жаждущий бури крик»). У Цомаева предвкушение битвы, борьбы звучит менее торжественно и величаво. В переводе недостаточно сильно отображено стремление и жажда революционных перемен. Для передачи эмоциональности оригинала необходимо было внести большую напряженность.

«Песня о Буревестнике» писалась Горьким в преддверии первой русской революции 1905 г. как сочинение, призывающее народ к непримиримой социальной битве. Трудность в переводе прежде всего была связана с необходимостью передачи ритмики, динамичности, делающее произведение Горького узнаваемым. В примере описания нарастающей бури оригинала эмоциональность горьковского описания возрастает, динамизм усиливается. Перевод же Цомаева звучит менее эмоционально, описание бури – прозаичнее, но все же переводчику удалось найти точные эквиваленты слов. Например, не характерному для осетинской речи слову «громады» переводчик нашел соответствие «дон-хжтж». Тем самым сумел передать точное содержание авторской мысли. Выражение «и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы» Цомаев переводит как «жмж сж уыцы-иу зыввытт ныккодта айнжг къждзжхтжм». Как видим, смысловое соответствие здесь очевидно, также сохранена символика бушующей природы, детальное описание красками. Далее напряженность действия усиливается еще больше. Знаменитый полет Буревестника: «Вот он носится, как демон, – гордый, черный демон бури, – и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает». В этом отрывке битва Буревестника с тучами, олицетворяющими могучие темные силы, дос-

тигает кульминации. На этом фоне проявляется бунтарский дух и вольнолюбие предвестника бури. В переводе Цомаева: «Кжсма, ужлж хжйржджы тахт фжкжны, хъал, сау – фжлахс уаджн йж хжйржджы хай, куы фжхуды, куы сдзыназы... Уый худгж жжржгътыл кжны, уый дзыназгж фырцинжй кжны». Этот короткий отрывок дает основание говорить об индивидуальном своеобразии в подходе перевода оригинала, о художественном переводческом методе Цомаева. Переводчик стремился здесь точно воссоздать смысл, содержание горьковского отрывка, но при этом снижает патетику борьбы и весь накал страстей в целом. Сглаживание в процессе перевода привело к тому, что в осетинском тексте заметно снижается трагизм повествования.

Одним из композиционных средств, используемом писателем в «Песне...», является повтор. Автор прибегает к повторению слов и выражений для создания сильного впечатления, живости: «...он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет, не скроют!». Повтор, идущий у Горького, несет большую эмоционально-смысловую нагрузку. В переводе Цомаева он не игнорирован, и это свидетельствует о стремлении переводчика верно передать идейное содержание оригинала: «Уырны йж, асжст хуры нж бамбжрздзжн. Нжгъ, нж бамбжрздзжн!»

Приведем примеры неудачного перевода: «Море ловит стрелы молнии» – «Денджыз ахсы арвы фаттж». В оригинале речь идет о стрелах молнии, в переводе, что удивительно, о стрелах неба. Необходимо указать неточности и в переводе финальной картины. Для того чтобы наглядно убедиться, сравним величественный полет Буревестника в подлиннике и в переводе: «Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!..»

Цомаев переводит так:

«Уый хъжбатыр Уадхжсжг тжхы арвы жрттивжнтжй денджызы `хсжн; уый сгуйхты пахуымпары нжрын и: уадз жмж ноджыджр

тыхджынджр абуха уад!» Этот пример отрывка показал, что переводчику не удалось передать ритм горьковской прозы, являющийся, безусловно, значительным в переводе всего произведения. Ритм прозы характеризуется эмоциональным нагнетанием, силой, патетической окраской, чего мы не наблюдаем в переводящем тексте. Перевод заметно уступает оригиналу не только в эмоциональном, интонационном плане, как самом важном элементе стиля «Песни...», но и в смысловом. У Горького Буревестник гордо парит в небе, переводчик же опускает эту весьма важную деталь. Интересен перевод последней поэтической фразы, ставшей крылатой, политическим девизом и призывом к борьбе: «...уый сгуйхты пахуымпары нжрын и: Уадз жмж ноджыджр тыхджынджр абуха уад!» Подстрочный перевод: «...в этой победе – пророка грохот: Пусть еще сильнее бушует буря!» Сличение осетинского текста с подлинником показывает, что Цомаев не совсем справился с переводом концовки «Песни...». Буревестник Горьким не случайно назван «пророком победы». Слово «пророк» в тексте несет большую смысловую символическую нагрузку: Буревестник предчувствует наступление предстоящей борьбы. Поэтому, изменив порядок слов в переводе, получается бессмыслица, искажается содержание оригинала. Финал произведения в переводе лишен горьковской бунтарской интонации. Победное, грозное звучание призыва здесь ослабляется употреблением существительного «грохот» вместо «крика». И далее вместо «грянет» – «бушует», для усиления употребленное с наречием «еще».

Горькому-реалисту характерно широкое использование в произведениях изобразительных средств. Метафоры, сравнения, эпитеты, олицетворения применяются у него для поэтизации действительности, для более сжатого изложения мысли, они подчинены выражению главной идеи произведения.

Заслуга осетинского переводчика в большей части в том, что ему удалось сохранить в переводе яркую метафоричность, образность языка писателя. Метафора, неотъемлемая от литературного стиля раннего Горького, здесь несет характеристику образа, раскрывает его страстную и героическую натуру. Очень важно было для переводчика передать присущую подлиннику поэтическую окраску, художественную ценность. И это ему отчасти удалось: «в пене гнева» – «масты фынк», «сила гнева, пламя страсти» – «фыджхы жхсар, зжрджйы пиллон». Большое значение для идейного раскрытия образа Буревестника несут в тексте оценочные эпитеты, сравнения, олицетворения, а потому Цомаев с особым вниманием должен был отнестись к передаче широко используемых в тексте данных средств художественного изображения: «смелый Буревестник» – «хъжбатыр Уадхжссжг», «гордый Буревестник» – «хъал Уадхжссжг», «седым от пены море» – «урс фынк калжг денджыз», «Буревестник, черной молнии подобный» – «Уадхжссжг, арвы сау жртгывджй йж хуыз», «как стрела пронзает тучи» – «фатау хизы жвржгты иннжрджм», «вот он носится, как демон» – «хжйржджы тахт фжкжны», «ветер тучи собирает» – «дымгж мбырд кжны жжржггтж», «тучи слышат радость птицы» – «жвржггтж зонынц маргъжн йж цин». В переводе данных образных средств в полной мере проявился индивидуальный облик Цомаева. Он в основном верен в выборе эпитетов, сравнений и олицетворений, характеризующих силу природы.

Сопоставительный анализ перевода «Песни о Буревестнике» с оригиналом помог выявить удаchi, достижения и, наоборот, некоторые недостатки, художественные просчеты Цомаева. Но замеченные нами ошибки и отступления от подлинника никак не снижают высокой художественности перевода. Творческая индивидуальность Х. Цомаева проявилась не в том, что именно он вносит от себя в переводимый

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

текст, а в том, какими средствами он добивается выполнения переводческой задачи. Он ищет не любые выразительные средства, а по возможности близкие к ориги-

налу. Процесс этот, несомненно, и есть процесс художественного творчества, так же как и оригинальное творчество, требующее таланта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Художественный перевод: проблемы и суждения: Сб. ст. / Сост. Л. А. Аннинский. М.: Известия, 1986. 576 с.

² Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Художественная литература, 1950. Т. 5. С. 326–327.

³ Горький М. Уадхжссджы заржг (Песнь о Буревестнике) / Пер. Х. Цомаева // Растдзинад (Правда). 1928. 31 марта.